
ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

В советской этнографической науке давно назрела потребность в деловом обсуждении проблем родовой, большесемейной и соседской общины, парной и моногамной семьи, матри- и патрилинейной филиации. В статье Ю. П. Аверкиевой, А. И. Першица, Л. А. Файнберга, Н. Н. Чебоксарова «Еще раз о месте материнского рода в истории общества (по поводу статьи Н. А. Бутинова „Происхождение и этнический состав коренного населения Новой Гвинеи“)»¹, эти проблемы решаются с позиций материнско-родовой теории первобытности. Впервые, пожалуй, эта теория изложена с такой полнотой и определенностью, в результате чего явственно проступили ее слабые места.

Материнско-родовая теория первобытности, защищаемая авторами статьи, по существу отождествляет доклассовое общество с материнским родом. Материнский род первичен, т. е. возникает в начале верхнего палеолита как первая форма человеческого общежития, и универсален, т. е. господствует вплоть до появления частной собственности, когда он уступает место у одних племен отцовскому роду, у других — соседской общине. Далее авторы статьи утверждают, что на всем протяжении первобытной истории материнский род представляет собою хозяйственный коллектив. Они полагают, что в палеолите и неолите господствовал дислокальный брак, муж и жена принадлежали к разным общинам, и поэтому каждая община была одновременно родом. Так выглядит, пишут авторы статьи, «эпоха матриархата, или материнского рода, в понимании классиков марксизма» (стр. 200). Надо сразу сказать, что первобытность в понимании классиков марксизма, с одной стороны, и в понимании авторов статьи, с другой, это далеко не одно и то же. Так, утверждается, будто Энгельс трактовал «историю первобытного общества как историю родового строя» (стр. 200), но, по Энгельсу, родовой строй становится господствующим сравнительно поздно. Энгельс считал род явлением «во всяком случае более поздним»², чем брачные классы. Мысль о дислокальном браке, свойственная авторам статьи, была чужда Энгельсу; до возникновения рода, писал он, преобладал брак путем похищения женщин³, а затем появился матриликальный брак. Мысль о возможности перехода от материнского рода непосредственно к соседской общине также была несвойственна Энгельсу; он считал, что отцовский род является обязательной стадией, через которую должны пройти все племена⁴. Энгельс, далее, различал (в отличие от авторов статьи) хозяйственный коллектив, с одной стороны, и род — с другой. Характеризуя коммунистическое домашнее хозяйство ирокезов, он писал, что в нем «все женщины или большинство их принадлежат к одному и тому же роду, тогда как мужчины принадлежат к различным родам»⁵ и указывал затем, что о престарелых, больных и инвалидах заботятся «коммунистическое хозяйство и род»⁶. Наконец, сам термин «эпоха матриархата», приписываемый классикам марксизма, в их трудах не встречается.

Маркс, Энгельс и Ленин видели в первобытности в первую очередь доклассовое общество, в котором нет частной собственности, моногамной семьи, социальных классов и государства. Такое общество есть у племен, имеющих материнский род, и у племен, не имеющих его. Маркс и Энгельс создали основы учения о доклассовом об-

¹ «Сов. этнография», 1963, № 3, стр. 200—205.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 49.

³ Там же, стр. 50.

⁴ Там же, стр. 59—60.

⁵ Там же, стр. 53; см. также стр. 43, 46.

⁶ Там же, стр. 98.

шестве задолго до появления трудов Бахофена, Мак-Леннана и Моргана, и связали его с определенным способом производства материальных благ, понимаемым как диалектическое единство производительных сил и производственных отношений (а вовсе не с материнским родом, о котором тогда еще ничего не было известно). Ленин резко критиковал тех, кто «экономическую теорию Маркса согласны отнести в „частности“, сопоставить с вопросом о происхождении матриархата»⁷. Эти слова Ленина попадают не в бровь, а в глаз сторонникам материнско-родовой теории первобытности⁸, и авторы статьи, в частности, проявляют недовольство, когда им об этих словах напоминают. Они пишут: «Н. А. Бутинов пытается свой вывод о непринципиальности материнского рода (надо было сказать: вопроса о происхождении материнского рода.—Н. Б.) приписать В. И. Ленину. Для этого Н. А. Бутинов фактически грубо искажает сущность полемики Ленина с Плехановым по поводу ревизионизма Маслова» (стр. 202). На деле взгляды Ленина изложены мною совершенно точно, и сами авторы статьи вынуждены признать, что вопрос о времени и причинах возникновения материнского рода (именно об этом писал Кунов) является частным вопросом для марксистской теории. Вот их собственные слова: «Ленин замечает по этому поводу, что нельзя коренное расхождение Маслова по вопросу об абсолютной ренте приравнять к частному вопросу, к расхождению («отчасти») насчет происхождения матриархата» (стр. 203). Они не будут спорить с тем, что вопрос о производительных силах и производственных отношениях (например, о формах собственности) в доклассовом обществе имеет для марксизма не меньшее значение, чем вопрос об абсолютной ренте.

Нельзя согласиться с авторами статьи, когда они полагают, будто для того, чтобы «поколебать теорию марксизма о единстве путей развития человеческого общества, о временном, преходящем характере капиталистического общества» (стр. 200), будто для всего этого достаточно доказать, что материнский род не первичен и не универсален. Это совершенно неверно. Во-первых, сами классики марксизма считали материнский род первичным лишь по отношению к отцовско-правовому роду античных народов, но не по отношению к брачным классам австралийцев. Во-вторых, марксистская теория первобытности покоится на гораздо более солидном фундаменте, чем материнский род. Я уверен, что авторам статьи это хорошо известно, просто они чрезмерно увлеклись в пылу полемики. Материнско-родовая теория, защищаемая ими столь горячо, не подтверждается, к сожалению, фактами.

На заре этнографической науки весьма заманчиво было противопоставить патрилинейной филиации, обязательной для античного и более развитых обществ, матрилинейную, как обязательную для первобытности. Во времена Бахофена и Мак-Леннана материал по этнографии отсталых племен был крайне ограничен, и не мешал им сделать такой вывод.

Еще в начале нашего века можно было писать, как это делал М. М. Ковалевский, будто «на протяжении всего Нового Света материнский род является доселе господствующим», и находить материнский род также на островах Тонга, Мадагаскаре⁹.

Теперь мы знаем, что у наиболее отсталых народов (австралийцы, бушмены, кубу, семанги, аэты) существует патрилинейная филиация. Количественное накопление фактов дало новое качество. Патрилинейность, по мнению многих советских этнографов, появилась задолго до античной стадии развития, она возникает впервые не позже мезолита. Конечно, это такая патрилинейность, в которой родство носит не индивидуальный, а групповой характер, и имущество наследуют, поэтому, все агнаты в рамках рода. Такое агнатное право следует строго отличать от отцовского права, когда имущество переходит от отца к детям, в рамках семьи.

По мере того, как факты, накапливаемые наукой, предоставляют значительно большее, чем раньше, место в первобытности патрилинейному роду, сторонники материнско-родовой теории, не желая считаться с этими фактами, ставят себя все в более тяжелое положение.

Авторы статьи, в частности, не согласны с тем, что папуасы до колонизации жили, а кое-где живут и сейчас¹⁰ в условиях каменного века и общинно-родового строя. Они заявляют, что «Н. А. Бутинов не сумел разобраться в одном только новогвинейском этнографическом материале и грубейшим образом архаизировал изучаемое им общество» (стр. 202). Кстати, слова «грубо», «грубейшим образом», встречающиеся в их статье, дают представление о тоне их полемики. Авторы статьи пытаются найти у папуасов частную собственность на землю, а также моногамную семью и соседскую об-

⁷ В. И. Ленин, Соч., т. 15, стр. 258 (подчеркнуто Лениным).

⁸ Вот почему М. О. Косвен, которого можно считать создателем этой теории, в своей книге «Матриархат. История проблемы», М., 1948, процитировав всех, кто хотя бы случайно обмолвился словом «матриархат», об этих словах Ленина предпочел умолчать, как будто их вовсе нет.

⁹ М. М. Ковалевский, Родовой быт в настоящем, недавнем и отдаленном прошлом, СПб., 1905, стр. 98.

¹⁰ См. П. В. Комин, Полгода в Западном Ириане, «Сов. этнография», 1964, № 1, стр. 133 и сл.

щину. Но это им не удастся, как не удалось и тем, кто пытался сделать то же самое, руководствуясь верой в извечность этих институтов.

Доказать наличие у папуасов коллективной собственности на землю, напротив, нетрудно. Для этого достаточно сослаться на труды Н. Н. Миклухо-Маклая, С. А. Токарева, В. М. Бахты, на том «Народы Австралии и Океании». Все зарубежные исследователи, за исключением тех немногих (Хогбин, Посписил), кто открыто доказывает извечность частнособственнических отношений, пишут о коллективной собственности на землю на Новой Гвинее. Если авторы статьи сочтут, что этого все же недостаточно, я добавлю, что один из них тоже писал о родовой собственности на землю у ряда папуасских племен¹¹. Теперь же он, вместе со своими соавторами, приписывает папуасам частное землевладение (стр. 202). Позволительно спросить, чем вызвано такое изменение взглядов, и из каких источников почерпнуты новые сведения?

Доказать наличие на Новой Гвинее парной семьи тоже нетрудно. Семья у папуасов не в состоянии самостоятельно вести хозяйство, муж и жена раздельно владеют имуществом, не могут наследовать друг другу, принадлежат к разным родам, и даже нередко живут в разных хижинах: муж — в мужском доме, вместе с другими взрослыми мужчинами родовой общины, а жена — в семейной хижине, с малолетними детьми.

Между тем авторы статьи утверждают, что у папуасов не парная, а «индивидуальная семья» (стр. 201). Прежде всего, сам термин «индивидуальная семья», широко распространенный в зарубежной науке, мне представляется не вполне четким. Один из авторов статьи в свое время справедливо отмечал, что буржуазные этнографы сознательно подводят под этот расплывчатый термин как парную, так и моногамную семью, с целью доказать извечность последней¹². Далее, причины, по которым авторы статьи характеризуют папуасскую семью как экономическую ячейку, мне представляются недостаточными. Сошлюсь вновь на слова одного из них: «Несомненно, что эти сожительствующие пары и у современных отсталых народов, и в первобытном обществе могли временами бродить отдельно, занимать отдельную хижину в общем стойбище или отдельное помещение в общем доме, даже делать известные запасы. Однако все это не делало пару экономической ячейкой общества»¹³. Все это совершенно верно, и остается спросить, почему теперь авторы статьи употребляют нечеткий, как им известно, термин «индивидуальная семья», и почему они теперь, противореча самим себе, считают наличие некоторых второстепенных хозяйственных функций у семьи достаточным основанием для того, чтобы объявить ее экономической ячейкой? Наконец, нетрудно доказать и наличие у папуасов родовой общины. Население папуасской деревни, как правило, состоит: 1) из группы мужчин, которые совместно трудятся, сообща владеют землею, мужским домом (в котором они живут), лодками, сообща решают важные дела, и ведут свое происхождение от общего предка, т. е. принадлежат к одному роду; 2) из незамужних сестер и дочерей мужчин, принадлежащих к тому же роду, и 3) из жен мужчин, пришедших сюда из других деревень и принадлежащих к другим родам. Женское население деревни вместе с малолетними детьми ютится в женских хижинах, окружающих мужской дом. Род строго экзогамен (до сих пор), связи по родству очень прочны. Несмотря на все это, авторы статьи утверждают, что у папуасов «не родо-вая община, а нечто вроде деревенской, территориальной общины» (стр. 201). Сказав о папуасской общине, что она «территориальная», авторы статьи ничего не сказали о том, какая же это община — родо-вая, большесемейная или соседская. Дело в том, что экстерриториальных общин не бывает, так как невозможно быть в общине (любой), совместно владеть землей (а без этого нет общины), не живя на одной территории, в одной локальной группе, как у австралийцев, или в одной деревне, как у папуасов. Это так же верно, как и то, что род (если община родо-вая) всегда экстерриториален, часть членов рода живет на своей территории, а другая часть покидает ее и переселяется на другие территории. Нетрудно, конечно, догадаться, что под «территориальной» авторы статьи понимают соседскую общину. Но о главной причине, по которой они считают папуасскую общину соседской, они в данной статье почему-то умолчали. Причина же эта, как видно из других их работ, состоит в том, что в папуасской деревне живут вместе мужчины, принадлежащие к одному роду, и их жены, принадлежащие к другим родам. По мнению авторов статьи, в родовой общине все мужчины и все женщины должны принадлежать к одному роду; в ней не должно быть мужей и жен, должны быть только братья и сестры (а их жены и мужья должны жить в других общинах, на других территориях, и осуществлять свои брачные права путем посещений). Раз в папуасской общине живут мужья и жены, принадлежащие, согласно обычаю экзогамии, к разным родам, то это уже, будто бы, не родо-вая община, а соседская. Если эту мысль продолжить дальше, то мы приходим к выводу,

¹¹ А. И. Першиц, Развитие форм собственности в первобытном обществе как основа периодизации его истории. «Проблемы истории первобытного общества». Труды Ин-та этнографии АН СССР, т. LIV, М.—Л., 1960, стр. 154.

¹² Ю. П. Аверкиев, Неэволюционизм в современной американской этнографии, «Сов. этнография», 1960, № 6, стр. 26.

¹³ А. И. Першиц. Указ. раб., стр. 162.

что и у австралийцев, и у огнеземельцев, и у всех вообще наиболее отсталых племен — не родовая община, а соседская (так как дислокальный брак им не свойствен). Выходит, что родовая община имеется лишь у шести-семи народов (ашанти, наяры, наси и т. д.), практикующих частично дислокальный брак. Но у них-то как раз община не родовая, а большесемейная.

На Новой Гвинее имеется несколько мест, где под влиянием сначала индонезийцев, а затем европейцев начали складываться товарно-денежные отношения, и соседская община приходит на смену родовой¹⁴. Но в основном это происходит в окрестностях городов, которые, как известно, появились на острове лишь после колонизации. Подавляющее же большинство папуасского населения до сих пор не связано с городами, ведет замкнутое натуральное хозяйство и живет родовыми общинами.

Кто не мыслит себе родовую общину без материнского рода и дислокального брака, тот может занять и другую позицию: заявить, что патрилинейный и патрилокальный вариант родовой общины представляет собой результат европейской колонизации. Так, в частности, поступают в ряде случаев и авторы статьи.

Отцовский род у аборигенов Австралии, — пишет один из них, — это «результат распада их древней последовательно матриархальной организации за последние 150 лет под влиянием европейской колонизации»¹⁵. То же в Южной Америке, в частности, в Бразилии. «В более далеком прошлом (до колонизации) у всех племен Бразилии был материнский род» — пишет другой автор статьи¹⁶. То же — в Северной Америке. «К началу XIX в., — пишет третий автор статьи, — под непосредственным или косвенным влиянием колонизации, общественное устройство всех индейских племен Северной Америки приходит к распаду материнского рода и формированию патриархальных норм»¹⁷.

Капиталистическая колонизация — страшная вещь в жизни отсталых народов. Но этнография не была бы наукой, если бы этнографы не умели реконструировать то, что было до колонизации. Кроме того, у многих племен этнографы изучали патрилинейный род до колонизации. Наконец, и в условиях колониального гнета народы умеют сохранять свои обычаи (микронезийцы пережили три колонизации: испанскую, германскую, японскую, сейчас они находятся под гнетом США и, несмотря на это, сохраняют патрилинейность), и этнографы эти обычаи изучают.

Морган доказал, что по фактам этнографии можно судить о более ранних стадиях, чем античная. Этот метод многим показался неожиданным. Но Морган соединил социальную историю древних греков там, где она обрывалась (не было письменных документов), с социальной историей ирокезов, и произошло слияние, как будто это были две части единой некогда разрубленной монеты. Читая «надписи» на ирокезской части монеты, Морган восстановил то, что было почти совсем стерто временем на части античной, и разрешил многие загадки античной истории. Но еще важнее было то, что он нашел новый источник для изучения доантичной истории. Он показал, что лестница, ведущая в наше социальное прошлое, не обрывается там, где кончаются письменные документы, она имеет продолжение в фактах жизни бесписьменных народов, т. е. в фактах этнографии. Революция во взглядах — вот как охарактеризовал Энгельс это открытие Моргана. «Всякому ясно, — писал он, — что тем самым открывается новая эпоха в разработке первобытной истории»¹⁸. Это открытие, отмечал далее Энгельс, «имеет для первобытной истории такое же значение, как теория развития Дарвина для биологии и теория прибавочной стоимости Маркса для политической экономии»¹⁹.

Буржуазная наука до сих пор не хочет признать тот очевидный факт, что за древним греком стоит ирокез. Что касается советских этнографов, то они, наоборот, считают, что лестница в социальное прошлое на ирокезе не обрывается: за спиной ирокеза стоит, например, папуас, а за спиной папуаса — австралиец. Поэтому невозможно согласиться с авторами статьи, когда они утверждают, что нельзя судить о доклассовом обществе по папуасам (у них, будто бы, частная собственность, моногамная семья), а также по австралийцам, южноамериканским и североамериканским индейцам (у них будто бы все искажено и разрушено колонизацией). Авторы статьи полагают, что они ставят этим под сомнение лишь патрилинейный вариант доклассового общества. На деле же они ставят под сомнение все факты этнографии как источник для изучения первобытности. Согласиться с этим, конечно, нельзя. Кстати, авторы статьи ошибаются, полагая, будто мое отрицательное отношение к их теории вытекает из моих «ошибочных теоретических взглядов» (стр. 205). Это не так. Просто я взглянул на первобыт-

¹⁴ См. Н. А. Бутинов, Западный Ириан. «Сов. этнография», 1957, № 4, стр. 145.

¹⁵ А. И. Першиц, Указ. раб., стр. 157.

¹⁶ Л. А. Файнберг, Индейское население Бразилии, «Бразилия. Экономика, политика, культура», М., 1963, стр. 127.

¹⁷ Ю. П. Аверкиева, Новая попытка классификации результатов исследований по этнографии коренного населения Северной Америки, «Сов. этнография», 1958, № 5, стр. 160.

¹⁸ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, М., 1953, стр. 17.

¹⁹ Там же, стр. 17.

ность с позиций конкретных родовых общин с их совместным трудом, общей собственностью, коллективным распределением и потреблением²⁰. Для меня вопрос о материнском роде, дислокальном браке, почетном положении женщин в семье и обществе — это дело не принципов, а фактов.

Внимание к родовой общине (приходится начать с этого) не связано с именами Мезера, Грэбнера, Старке, Вестермарка, Лоуи и Мёрдока. Для всех буржуазных этнографов характерно то, что из трех величин, свойственных общинно-родовому строю (родовая община, парная семья, род), они изучают в первую очередь семью и род, и лишь в последнюю — родовую общину. Так, Линтон признавал, что «антропологи по ряду причин обращают гораздо большее внимание на семью и ее дериваты (в число которых входит, по Линтону, и род. — Н. Б.), чем на локальную группу, хотя последняя, конечно, не менее важна, чем семья»²¹.

По Мёрдоку, есть две основных социальных единицы — это семья и род. Семья — первая «линия защиты», род — вторая. Что же касается родовой общины, то это всего-навсего, как пишет Мёрдок, «компромиссная родственная группа»²².

Напротив, многие советские этнографы считают, что основной единицей первобытного общества является именно родовая община. В последние годы все более часто проводится различие между родовой общиной, с одной стороны, и родом, с другой. Авторы статьи, правда, считают меня чуть ли не единственным, кто проводит такое различие, но это — слишком большой комплимент, которого я не заслужил.

Родовая община, в частности, папуасская, имеет сложный состав: постоянное ядро (мужчины), временную часть (сестры и дочери мужчин), пришлую часть (жены мужчин). Не все члены родовой общины принадлежат к одному и тому же роду. В процессе труда разные члены общины выполняют различные функции, и права на землю данной общины у них тоже разные. Община имеет своего вождя, совет взрослых мужчин. Многие проблемы первобытности встают перед нами по-новому, если подойти к ним с позиций такой родовой общины, и это уже само по себе неплохо. Не понимаю, почему это должно вызывать «в широких кругах советских этнографов», как пишут авторы статьи, «большое беспокойство» (стр. 200).

Авторы статьи высказали свое резко отрицательное отношение к теории родовой общины, и нам надо выяснить, чем вызвана такая оценка — тем, что теория родовой общины не соответствует, по их мнению, фактам, или тем, что она не соответствует их взглядам. Фактов, которые опровергали бы эту теорию, они не приводят. Думаю, что единственной причиной являются их взгляды, в частности, их отождествление родовой общины с родом. Они проводят это отождествление не только с помощью тезиса о дислокальном браке (существование которого в прошлом не доказано), но и просто так. Например, один из них, задав вопрос: что представляет из себя локальная группа австралийцев, тасманийцев, семангов, ведда или бушменов, решительно отвечает: «Несомненно, род»²³. Я в этом далеко не так уверен, как он. В каждой из этих локальных групп есть ядро, т. е. люди, живущие здесь со дня своего рождения и принадлежащие к одному роду, и есть люди, пришедшие извне, живущие здесь только после брака, и принадлежащие к другим родам. Локальная группа у этих племен состоит из парных семей, а род, по причине экзогамии, никогда ни у каких племен из парных семей не состоит.

Отождествление родовой общины с родом мешает составить правильное представление не только о родовой общине, но и о роде. Так, один из авторов статьи пишет, будто у южноамериканских племен кубео и уитото «род состоит из парных семей»²⁴. Это возвращает нас к временам Грота, Нибура, Моммзена, которые, как писал Энгельс, «не справились с вопросом о роде», потому что «всегда видели в нем группу семей». Энгельс подробно разъясняет, что род не мог состоять из семей, «потому, что муж и жена неизбежно принадлежат к двум различным родам»²⁵.

Естественно было ожидать, что вопросу о структуре первобытного хозяйственного коллектива авторы статьи уделят достаточное внимание. Между тем они ограничились голословным отрицанием тезиса о несовпадении родовой общины с родом. По существу, они уклонились от серьезного обсуждения главного вопроса.

Авторы статьи затрагивают и такие вопросы, как редактирование научных трудов. Они заявляют, что «Н. А. Бутинов не сумел на должном уровне осуществить ответ-

²⁰ Н. А. Бутинов, *Разделение труда в первобытном обществе*, «Проблемы истории первобытного общества», Труды Ин-та этнографии АН СССР, т. LIV, М.—Л., 1960, стр. 109—150.

²¹ R. Linton, *The study of man*, New York, 1936, стр. 209.

²² G. P. Murdock, *Social structure*, New York, 1949, стр. 43, 72.

²³ А. И. Першиц, *Указ. раб.*, стр. 156—157.

²⁴ Л. А. Файнберг, *О формах социальной организации индейцев северо-западной части бассейна Амазонки в конце XIX — начале XX в.*, «Американский этнографический сборник», Труды Ин-та этнографии АН СССР, т. LVIII, М.—Л., 1960, стр. 136—138.

²⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, *Соч.*, т. 21, ст. 102.

ственное редактирование сборника» (стр. 205). Мне, как ответственному редактору сборника, хотелось сочетать убежденность в правильности своих взглядов с уважением к взглядам моих коллег. Так, Ю. М. Лихтенберг, автор статьи «Системы родства папуасов Новой Гвинеи», помещенной в сборнике, пришла к выводу, что родовой строй всех папуасских племен начал разлагаться. С этим выводом я не согласен, тем не менее, подписал эту статью к печати потому, что признаю за автором право иметь свою точку зрения.

Меня огорчает стремление авторов статьи во что бы то ни стало опорочить ценную работу В. Р. Кабо «Каменные орудия австралийцев». Ни ее автор, ни редактор не могли скрыть того факта, что руководящую роль в локальных группах играли мужчины (а не женщины, как этого хотелось бы авторам статьи). Выходит, что материнско-родовая теория первобытности не только ошибочна сама по себе, но и не дает возможности правильно оценить взгляды других на родовую общину, род, экзогамия, парную и моногамную семью, положение мужчины и женщины в семье и обществе, место и роль матри- и патрилинейной филиации.

Что касается некорректных выпадов, допущенных авторами статьи в мой адрес, я думаю, что на все это можно ответить спокойно: Юпитер, ты сердись, стало быть, ты неправ.

Н. А. Бутинов

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Уважаемые товарищи!

В журнале «Советская этнография» № 3 за 1963 год помещена статья Ю. Аверкиевой, А. Першица, Л. Файнберга и Н. Чебоксарова «Еще раз о месте материнского рода в истории общества». В этой статье упоминается моя работа «Каменные орудия австралийцев»¹, несмотря на то, что проблема материнского рода в этой работе совершенно не рассматривается. Авторы пишут: «В статье В. Р. Кабо имеет место архаизация аборигенного австралийского общества, руководящая роль мужчин в обществе вслед за буржуазными исследователями связывается с направлением хозяйства (охотой) и т. д. Ряд ошибок, содержащихся в этой статье, объясняется, на наш взгляд, тем, что автор почти не использовал богатую советскую литературу по австраловедению» (стр. 205).

Прошу Вас опубликовать мое письмо и тем самым дать мне возможность ответить по существу.

1. Авторы статьи не указывают, что они имеют в виду, говоря о том, что в моей работе «имеет место архаизация аборигенного австралийского общества». Неужели они хотели бы, чтобы я, вопреки фактам, утверждал, что в австралийском обществе, каким его увидели европейцы в XVII—XIX вв., отсутствовал коллективизм производства и потребления, существовали частная собственность, отношения господства и подчинения, моногамная семья? Нет, все это было чуждо австралийскому обществу. Это было типичное родовое общество с хозяйством присваивающего типа. Таким оно оставалось до начала XX в. и в некоторых районах Австралии остается до сих пор. Как известно, Л.-Г. Морган² и Ф. Энгельс³ отнесли австралийцев, по уровню развития их культуры, к «средней ступени дикости». Не считают ли авторы статьи эту оценку, которой я руководствовался в своей работе, «архаизацией» австралийского общества? Характеристика австралийского общества, данная в моей работе, ничем, по существу, не отличается от характеристики его, данной в книге «Народы Австралии и Океании», изданной под редакцией С. А. Токарева и С. П. Толстова⁴. Надо добавить, что специальная глава в моей работе посвящена изменениям, которые произошли и происходят в аборигенном обществе в связи с колонизацией и внедрением металлических орудий.

2. Авторы статьи пишут, что я связываю руководящую роль мужчин в австралийском обществе с направлением хозяйства (охотой). Самый факт, что взрослые мужчины играли в этом обществе руководящую роль, авторы не отрицают, ибо этот факт общеизвестен. Отметим это явление как твердо установленное наблюдениями и исследованиями XIX—XX вв. (к этому периоду и относится моя характеристика австралийского общества, как это указано в моей работе на стр. 67 и 68), я пытаюсь дать ему

¹ Сб. «Проблемы истории и этнографии народов Австралии, Новой Гвинеи и Галапагосских островов», Труды Института этнографии АН СССР, т. LXXX, М.—Л., 1962, стр. 3—106.

² Л.-Г. Морган, Древнее общество, Л., 1934, стр. 9.

³ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, М., 1953, стр. 21 и 45.

⁴ «Народы Австралии и Океании», под ред. С. А. Токарева и С. П. Толстова, М., 1956.